

АКТРИСА — БОМЖ

Независимая газ. — 1996. — 26 марта. — С. 7
Оксана Мысина мечтает сыграть Гамлета и любит охоту на змей

Ольга Романцова

Рефлексия

-КОГДА вы поняли, что будете актрисой?

— Я думаю, что мои актерские наклонности впервые проявились в детстве, выразившись в моей безрассудности. Все мое детство прошло в донбасской степи, в охоте за змеями. А однажды мы с друзьями поспорили, кто ближе всех перебежит дорогу перед машиной или мотоциклом. Я выиграла этот спор — и была сбита мотоциклом. Помню колесо, крутящееся над моей головой, и радость победы. А потом, вся замотанная в простыню, с трагическим лицом я сидела на печке, и весь поселок выстроился в очередь, чтобы со мной попрощаться. Я чувствовала себя в центре событий и была наверху блаженства. В результате мне обрили голову наголо и залили зеленкой. Это был мой первый грим.

Тогда я думала, что у меня трагический темперамент. По утру я становилась к зеркалу, смотрела на себя и плакала навзрыд.

— Почему же вы не стали поступать в театральный институт сразу после школы?

— Я была всегда очень хорошей, миниатюрной девочкой и вдруг в пятнадцать лет вымахала в дыду с длинными руками и ногами. Я ощущала страшный дисбаланс, полное несоответствие внутреннего и внешнего. Что с этим со всем делать, я не знала, нужно было к себе привыкнуть. А поскольку я с детства неплохо играла на скрипке, рост у меня был высокий, руки сильные и длинные, то я поступила в Гнесинское училище на отделение альта. И учась в Гнесинке, тайком бегала в Театр на Красной Пресне Спесивцева. У меня была главная роль в рок-опере «Садо» — коварная птица Феникс. Я была одета в очень короткую юбку, в спектакле обыгрывались мои длинные ноги, и когда птица превращалась в прекрасную девушку и вырастала, то вся публика замирала на несколько секунд. Однажды один из педагогов Гнесинки случайно пришел на спектакль и увидел, как я пою в непотребном виде. Меня вызвали на педсовет, стыдили, а я залилась слезами и сказала: «Я вообще жить не буду, если уйду из театра». Меня оставили в покое, дали доучиться.

— А что было после Гнесинки?

— Три года, проведенные у Спесивцева, дали мне достаточно смелости, чтобы попробовать поступить в театральный институт. Мой мечтой было учиться только у Эфроса. Я прошла два тура на его курс в ГИТИСе и одновременно, считая, что только обкатывая программу, прошла на третий тур в Щепкинское училище, на курс к Цареву. Но перед конкурсом Эфрос предложил мне, чтобы подстраховаться, подать документы и на отделение страды. Я терпеть не могла эстра-

Оксана Мысина — одна из немногих актрис, которой удается работать с режиссерами с совершенно разными почерками и репетиционными методами. Она сыграла главные роли в спектаклях «К.И. из «Преступления» в ТЮЗе (постановка Камы Гинкаса), «Письма Асперна» и «Героическая комедия» в Новом драматическом театре у Бориса Львова-Анохина, ставших событиями в театральной жизни Москвы. Актриса снялась более чем в десяти кинофильмах. Среди них — «Пьеса для пассажира» Вадима Абдрашитова.

ду, но ради Эфроса была готова даже на это. Все решил для меня звонок мамы из экспедиции. Она у меня сейсмолог и вечно сидела в пустыне, делая прогнозы землетрясений. Мама сказала мне: «Что? Какая эстрада? Оксана, иди в Щепкинское, ты уже достаточно получила авангарда у Спесивцева, получи классическую школу. Иди к Цареву». Я как послушная дочь пошла. И поступила. Как выяснилось, мама оказалась права.

У меня всегда было такое чувство, что я могу играть все: и трагедию, и фарс, и красивых женщин, и уродливых. И все четыре года учебы я доказывала это как сумасшедшая. Студенты каждый месяц должны были показывать самостоятельные отрывки, и мы с моим другом Сережей Казаковым (он сейчас ведущий артист в театре у Львова-Анохина) проводили всякие эксперименты. Когда мы готовили сцену из «Укрощения строптивой» Шекспира, то тайком бегали к сестре Алексея Дикого, прекрасной актрисе старой школы, и она ставила нам классическую речь. У нас были потрясающие педагоги. Каждый учил нас по-разному, у каждого была определенная система, и это вырабатывало в нас гибкость. А после окончания училища весь наш курс остался в театре-студии «На Спартаковской площади», у Светланы Враговой.

— Вы проработали у Враговой восемь лет, сыграли главные роли в спектаклях «Дорогая Елена Сергеевна», «Видео: Бокс: Пуля...». Почему же вы ушли оттуда?

— Я с большим удовольствием вспоминаю свою работу с Враговой, она очень талантливый человек, и играла я у нее много, но мне всегда хотелось большего, все-таки две большие роли за восемь лет — это мало для актрисы. И поэтому, когда два года тому назад Борис Александрович Львов-Анохин начал репетировать спектакль «Письма Асперна», он пригласил меня сыграть в нем с гениальной актрисой Эдой Уруселой, — я с радостью согласилась. И, видимо, Светлана Александровна решила, что я собираюсь предать ее, бросить театр. Хотя у меня никогда не было таких мыслей, мы расстались. Но получилось так, что после ухода из театра

Враговой мне выпало счастье работать с Камой Гинкасом, а наша совместная работа с Львовом-Анохиным продолжается.

Сейчас у нас с Борисом Александровичем большие планы — два спектакля, которые будем делать один за другим. Один из них — по пьесе Рошина «Колесо Фортуны» о Потемкине, которая написана специально к юбилею Бориса Александровича. Мне предстоит сыграть мужчину, который перевоплощается в женщину.

— Как произошла ваша встреча с Гинкасом?

— Я была в таком шоке от того, что оказалась за порогом театра, в котором проработала восемь лет, что набралась дерзости, узнала телефон Гинкаса и позвонила ему. За год до этого я видела его спектакль «Играем «Преступление» и была просто потрясена. Мы с ним договорились встретиться, а когда встретились, он предложил мне прочесть какую-то рукопись, на которой было написано «Катерина Ивановна». Я читала, и меня охватывала легкая дрожь от того, какой странной и необычной оказалась эта пьеса. Мы стали обсуждать ее, и когда прошло не менее трех часов, Гинкас сказал: «Ну ладно, хватит на сегодня». Так мы начали работу. Мы с ним договорились, чтобы я ни на что заранее не рассчитывала: получится спектакль — хорошо, нет — никаких обид. Он просто фантастический режиссер, он заражал меня своими гениальными показами, заставляя импровизировать и незаметно приводя к нужному результату.

В своем спектакле Гинкас хотел подняться над тяжестью происходящего. И хотя наша с ним Катерина Ивановна живет последние минуты, она живет их на полную катушку, так, как этого требует природа. Падая и тут же поднимаясь, несмотря ни на что.

В тот день, когда я играю «К.И.», меня с утра начинает разбирать жуткая радость, мне хочется танцевать, сделать что-нибудь необычное. Я стараюсь копить в себе эту энергию и ничего не придумывать заранее, а полностью забыть, как я играла раньше, и настроиться на полтора часа спонтанного процесса, во время которого может произойти что-то неожиданное.

— Вам не хотелось бы вернуться в какой-нибудь театр и постоянно в нем работать?

— Мне сейчас очень помогает в жизни то, что я работаю с разными режиссерами. У меня появляется ощущение собственной независимости, и мне как актрисе это очень важно. И хотя я понимаю, как это прекрасно, когда есть возможность быть привязанной к одному театру, как к своему дому, сейчас я наслаждаюсь чувством психологической свободы. Пока я этим чувством не насытилась и не готова к тому, чтобы постоянно работать в труппе какого-нибудь театра. Моя жизнь принадлежит мне, и если я упаду, то сама буду виновата.

— Не мешает ли замужество вашей профессии?

— Ну что вы! Мой муж — это просто подарок судьбы. Я не хочу говорить про чувства, но из всех мужчин, которые раньше меня окружали, он фактически первый человек, который серьезно относится ко мне как к актрисе, не давая забыть об этом никогда. Рядом с ним я чувствую, что еще не все в себе раскрыла и очень многое смогу сделать.

— В театральном училище вы сыграли Катерину из «Укрощения строптивой». Кого из героев Шекспира вы хотели бы сыграть сейчас?

— Моя давняя, еще школьная мечта — сыграть Гамлета. И если у меня появится такая возможность, то я ее не упущу.